

ИЗБРАННЫЕ ФОРУМЫ ИЗ ПРОМЗВЕДЕНІЙ ОРІАН КОЛКЕРА

Публікація В.Л.

В последнее время на страницах ленинградских манифисных журналов часто появлялись критические и литературоведческие работы Ория Колкера, в которых он декларирует свои эстетические представления. Работы эти, как я заметил, имеют одну характерную особенность, резко выделяющую их среди других подобных работ. Дело в том, что свои основополагающие мысли этот автор облекает, как правило, в изящную форму афоризма или некоей категорической сентенции, используя богатые средства своего метафорического языка.

Но каково было мое удивление, когда я, перечитав недавно все доступные издания стихотворных книг Ория Колкера, обнаружил, что замеченная мною особенность присутствует в неменьшей мере и его стихам! Можно было предположить, что накапливавшийся с годами духовный опыт автора сказывается в нарастающей густоте его метких мыслей, которые он настойчиво внедрял в ранние редакции; хотя допускаю также, и то, что в прежние времена я читал его произведения недостаточно внимательно. По крайней мере, если первое чтение всех текстов О. Колкера имело воздействие убедительности, то второе, недавнее, чтение произвело на меня скорее впечатление утвердительности. Казалось, что каждый из текстов был написан ради провозглашения отдельных веских сентенций. Направлялась простейшая операция перерезания тех невидимых нитей, которыми связаны со всем текстом эти кристальные, как бы парящие над ними, фразы. Результатом проделанной операции и является настоящая публикация.

Хочу предварить ее несколькими оговорками. При извлечении фраз из текста мне приходилось ход-где отбрасывать стоящие впереди них союзы и замыкание их знаки препинания, но могу заверить, что во всех подобных случаях сохранялись неизменными как смысл высказывания, так и его интонация. Основным критерием отбора служило соблюдение трех требований: декларативности, автономности и ладидарности. Не удовлетворявшие им фразы отбрасывались. С другой стороны, я позволил себе включить в подборку помимо ценных утверждений, выражющих общие взгляды О. Колкера,

также и некоторые его самохарактеристики в емкой форме особого рода риторических фигур и высказываний. Никакой тенденции из этой публикации выывать не следует, т.к. прием цитирования в данном случае не имеет обычной цели аргументации каких бы то ни было положений. Читателю, который пожелал бы понять мировоззрение Д.Колкера, было бы лучше обратиться для этой цели к самим цитируемым произведениям. Повторно, цитаты интересовали меня только своими стилистическими достоинствами. Группируя их, я руководствовался принципом сближения по ключевым понятиям, вроде: "авангардизм", "злость", "культура", "любовь", "пощность", "язык" и т.д., или по сходству синтаксической конструкции, не пытаясь придать всему сурое никакого направления.

Хотя эта публикация и подготовлена без согласования с автором (по не зависящим от меня причинам), я надеюсь, что он на меня не посетует, т.к. сам, судя по многим письменно зафиксированным признаниям, видит в афоризме некую квинтэссенцию поэтического мастерства и важнейшую примету достижения поэтом духовной зрелости. Кроме того, все его литературные труды тяготеют безусловно к одному жанру, которому такая цитация отнюдь не противоречит, - скорее, наоборот, служит только на пользу. Я затрудняюсь точно определить этот жанр (может быть, манифест? или проповедь?), но, во всяком случае, он вполне соответствует высокой роли писателя, более всего, кажется, импонирующей Д.Колкеру (надо сказать, она ему по плечу!). И обращение к нему саме по себе знаменательно: это весьма своевременное напоминание всем об учительной, настырской миссии русской литературы.

В заключение хочу извиниться перед Д.Колкером за возможные несообразности и заявить о своей готовности нести коллективную ответственность за эту публикацию.

Творчество поэта, отказавшегося от традиции, должно быть мотивировано программой декларацией, а еще лучше - содержать внутреннее определение его поэтики, немыслимой без системы запретов.

Поэт, когда мечта ему изменит,
Становится и вел, и неглубок,
И сам себя новысоко он ценит.

Честный литератор уже сейчас, при оценке состояния родной литературы, должен игнорировать государственные границы и идеологические переборки, понимая, что рано или поздно нациа эпоха явится в памяти потомства в образе органического триединства.

Приспособленец не всегда понимает свои истинные мотивы, но глупость - не оправдание для поэта.

Отсутствие ограничений губительно сказывается на психике, развивает напомерные претензии, манию величия.

Непонимание меры своего таланта не украшает его.

Воробей оттого симпатичен,
Что живет, не вредя никому

Обывательское представление о труде поэта и по сей день не отделяет литературный талант от экспериментального дара, смешивая огонь некданных энigram с глубоким лирическим перекличием.

Самодовлеющая новизна, прекрасно выражаемая уродливым словом новаторство, как и самодовлеющая свобода, на поверхку - однозначное рабство, полная зависимость духа; она направлена против человека, бесчеловечна.

Не потому ли мое новаторство скучно,
Что тень деструкции мрачит его основы?

Человек, воспитанный на джазе, не способен слышать Моцарта.

Мастерство - лишь низкая составляющая творчества, а литература - ее изынкая словесность.

Как шумный ливень, необуздан гений:
Не мыслят он, но твердь животворит

Эпохи экзальтации создают и оправдывают спекулятивную поэзию.

Тяга к высокому, не обеспеченная большим талантом, ведет к спекулятивному искусству, претенциозному и отталкивающему.

В любом случае, даже и у одержимого гением, - порыву благородного безумия должен предшествовать период благодарейского служения породившей его земле, время позитивной нравственно-сози-дательной работы.

Протест не может быть основным содержанием творчества, на-столичное искусство всегда позитивно.

Если новаторство по своей сути антигуманитарно, то пас-сенизм, через свою ютическую слизку - индивидуализм, наобо-рот, неизбежно гуманитарен.

Неудовлетворенность современностью толкает поэта к различие-ниям и сопоставлениям, к прошлому человечества.

Чем глубже в прошлое проникает осмысливающий взгляд художника, тем жизнеспособнее и долговечнее его творчество.

Независимость в литературе вообще всегда означает некоторый пессимизм, поиск точки опоры в прошлом, без которого равно непо-нятны настоящее и будущее.

Надежен пессимизм, его черты суровы

Правило это старо: тот в чести, кто суров

Чьи правила строги - тому не до стихов

Культура, как чума, благословила массу

Культура личности, а потому индивидуалистична.

Прекрасное катастрофично,
Как только личностно оно

Прекрасному чуда риторика пугает
Но чем прекрасна жизнь?
Она парадоксальна.

Поэта поражают ретроспективы цивилизации, он живет предчувствиями и прозрениями, он склонен к парадоксам, - все это делает его кучительно уязвимым.

Светло в Твоем мире - лишь в душах темно.
Не этим ли жизнь хороша?

Только подлинный индивидуализм, означающий личную ответственность за все и всех, делает писателя совестью своего народа.

Советская литература чувствует колоссальное нравственное превосходство над собой литературы русской - и мучается этим.

Популярность среди современников всегда объясняется одним служением сиюминутному.

Выявление индивидуальности в творческом акте есть реализация души, порыв к духовному, и он больше способствует человеческой общности, чем любые материальные обобществления.

Ощущение хрупкости предметного мира открывается человеку через страдание и сострадание, его основой является личный духовный опыт, неизбежно мучительный.

Жанко Россио

Неси путь от модернизма к конформизму: эти две категории находятся в кровной, родственной связи.

Память о родителях, о предках (физиологических и духовных) отличает человека от животного, отказ от них - бесчеловечен.

Семантическая алхимия наших предков, далеко еще не усвоенная, нуждается в критическом переосмыслении и углублении, а никак не в расширении.

Память - это сознание, совесть.

Преемственность отрадна.

Молодость синкретична.

Крайности выгодны

Негодованье тщетно, скорбь пуста

Прост мой разум и беден мой кров

Если помнить, что новаторство подразумевает коллективную ответственность, то становится совершенно понятна та легкость, с которой оно врастает в тоталитарные структуры.

Скажи мне, зачем жестокость
Главенствует на земле?

Важнейшая черта новаторства - коллективизм.

И талант, и новизна как его важная компонента - всего лишь необходимое, но не достаточное условие катарсиса, доставляемого поэзии.

Новизна питается невежеством и часто идиозорна.

Авангардизм более поощряется завистью, нежели ревностью.

В соревновательстве, мельчай час от часу,
В разнузданный галоп пустился человек

Социалистическое строительство грозит необратимо изменить ландшафт русской поэзии и ее климат.

Изначальная сторона всякого успеха - зависть: она, при всем многообразии присущих ей форм, питает не только вновеское испровергательство и старческое брожение, но и соревновательный инстинкт, родственный творческому.

Версификаторство - забава стариков

Зависть - худший из неприглядных мотивов человеческой деятельности, к тому же и часто подсознательный, замаскированный.

Зависть, в слабой ли, в сильной форме, ведет к одному: к суете; поэтому и авангардизм представляется прямым выражением суетности, сублимацией суеты в искусстве и в жизни, - наоборот, отказ от зависти, понимание и принятие своего места в искусстве и в жизни, - это свобода, выход к духовному.

Тема смерти полузарапетна в советской литературе как напоминание о силе, стоящей над государством и неподвластной сиюминутному.

Жизнь всюду разная, а смерть везде одна

Не вижу, отчего бы нам за счастье жить -
Страданием, трудом, деньгами - не плачить?

Поэтическая, вообще - художественно-литературная, мысль, выражена всегда так, что она умирает или необратимо меняется вне воплотившей ее формы - в пересказе, переводе.

В оригинале почти без знаков препинания обходится священная книга трех мировых религий (она, кстати, не знает и прописных букв - даже для имени Бога), и отказ от них - шаг к величественной простоте языка.

Так в наше время простота трудна,
Что сложности в сто раз сложней она

Национальная жизнь сложна и не может быть понята с общих позиций, без духовного к ней приобщения.

Перевод возможен в единственном случае: когда один большой поэт черпает вдохновение в творчестве другого, равнозвеликого.

Дать выход гневу и отвращению — еще не значит скатиться до фельетона.

Бытовое остроумие, сухость, умение держать людей на некотором расстоянии — еще не злость: скорее защитная оболочка.

Высокое в человеке ближе всего к смешному, легче всего высмеивается.

Распадом личности отмечен злой нам век

Мы не дрогнем: наше знамя —
Справедливость и добро

Не трудно удивить, кричать нечудро.

Нельзя превращать музу в дойную корову.

^{Быть}
Вдохновение может высоким, а результат низким.

Молчанье чаще слов, оно ведет к отказу
От зла

Иногда лучше **бесе** произлечь, чем сказать что-то необязательное и приблизительное.

Все грамотны кругом — зачем же не писать?

Поэту мы бываем благодарны не только за написанное им, но также и за то, что он не написал.

Язык под пером лучших поэтов XX века приобрел удивительное свойство делать основной признак пространства, повесил занавесу над альковом мировой тайни, добовно согданину pragmatичеки веком разума.

Музы — концентри: хадриз ее альков

Идея, как зондина, вьет из иных веревки

Избранчество влечет за собой отверженность; обратное неверно.

Романтическая любовь всегда противопоставлялась золоту и отрицала его. Земная любовь предполагает труд, равносильный китайской мудрости.

Противоположности сходятся.

Афористична сокильтство терпкий язык

Эгоистична верная любовь.

Эгоистично самодержание
И нежность

Лишь обостренная чувствительность толкает нас к художественному творчеству.

Равенство - чушь, очередной фетиш

Любовь - вершина естества:
Но мысль и есть любовь

Любовь - неподвластная блажь

Мы к формам привыкли, однажды утратив форму

Не любит воду тот, кто хочет пить

Свободен я от наложений плоти

И человек, и плоть моя молчит

Всех одинокий ко мне не идет.
Я - одинокая любовь

Брезглив я, оттого и одинок

И тот, кто нужен.

Свобода от отеческого надзора и свобода, - это еще не одно и то же.

Можно быть рабом своей свободы, и можно быть свободным, не зная об этом.

Свободы идет дух, он отвергает фразу

Ничто так не распространено, как добровольное рабство.

Творчество - это свобода, а свобода, как мы видели, возможна только в жестко определенных границах.

Телефон облегчает нам жизнь, но и является знаком нашей не-свободы.

Вечера

Губить перед экраном - вот греховность,
Лестница петли и топора!

Любая жизнь права, любая схема ~~жизни~~ ложна

Жизнь, наименее понятая как служение, открывает путь к высшей власти над собой: к самопокорству, к последней свободе.

Воля - это власть: сначала - над собой, над своим духом и телом; затем - над реалиями предметного мира - над людьми, над их телом и духом.

В основе прогресса лежит творческое поисжение в его назад форме - познание точных наук, способствующее развитию методов, а через них - нашей практической власти над природой, обществом и историей.

На равнодушия к слову витает исполнение истории.

В наши дни средний европеец, посещавший христианский храм и знакомый с теоремой Гёделя, несравненно менее духовен, чем таиландский крестьянин, буддист, не слышавший о теореме Кантора.

Духовно-эстетический запрос вечен, а его сегодняшний острота времена: она вызвана голодом предыдущих десятилетий.

Мир дискретен, это его существенное иное качество.

Дискретен мир: в нем счастье - форма,
И пакацел смысл - знак

Счастье не нуждается в оправдании, но само может служить некоторым оправданием легкомыслия.

Спору нет, но все иррациональное - глупость.

Известно, что счастье - не цель:
Но цель - это счастье

Известно, что сонет - тепличное растение

На термодинамики известно, что время - попутный ветер энтропии.

Идеи живут недолго.

Медевры живут долго: они - память человечества, и одновременно один из путей высвобождения от сиюминутных пут времени и пространства.

Война, как ни всплонял ее плоский и безразволный лубок, на самом деле была всемирным бедствием.

Западная женщина, мы защищаем родину: в этом единственный не уничтожающий поста тип патриотизма.

Гост, посигающий на японскую святыню, поистине должен облачаться даром Божиим, чтобы не заслужить имени Гарострага.

Люди не только драгоценность любого государства, он драгоценнее народа.

России нужен негодий
С его расслабленной улыбкой

Новая истинка - новое иго

Извращение не компрометирует истину.

Искривленная рифма опровергает только новичка, и малейший элемент магнитности в ней мгновенно обесценивает поэзию.

Если рифму точную поэт сравнил с голубем ковчега, то рифма ассоцианская и остаточная, в лучшем случае, - вечерина голубка; но и эта роль редко ей по плечу.

Боробей - незаметная птица

Слово, сказанное талантливо и с полной отдачей, говорится перед Богом; оно - величайшая реальность, безраздельная власть; осознание художником этой власти - величайший соблазн.

Я не уверен, что табель о рангах в поэзии плодотворна. Во всяком случае в XX веке следовало бы отказаться от монархического принципа.

Поэзия живет пристрастиями и вряд ли нуждается в табели о рангах.

Существует, по-видимому, некая критическая масса таланта, инвариантная к эстетической ориентации художника, пусть даже и совершенно ошибочной и часто внешней, декларативной; ее носитель зарывает изнутри любой канон, и в этом - искушение слабых, обольщенных своею музой душ.

Диность имеет право на обольщении.

Детскость - качество очень человеческое (животные взрослеют стремительно) и очень современное (наши деды были взрослыми в 20 лет).

Воробей - терпеливая птица

Молодость ищет жизни сторонится страданий; она синкетична, дух и плоть сливаются в ней под знаком плоти. Иллюзия новизны - упругие мысли, энергичные слова - заслоняют от нее сущностное видение мира.

Религия указывает нам на чисто человеческую субстанцию как анти-энтропийное начало, постоянно воссоздаваемое, структурирующее творение.

Только покровительство верховных богов сообщает жизни высший смысл.

Большинство художников очень религиозны (часто подсознательно), но традиционное понимание религии оттеснено у них на периферию сознания.

Источником вдохновения всегда является опыт, внезапный или вынужденный, но обращенный ко многим (в пределе - ко всем), притом опыт, сообщающий нечто существенное об инвариантной основе человеческого бытия, близкий к откровению, благодати, пророчеству. Природа этого опыта столь высока, что в обращении с ним требуется некоторое церемониальное.

Природа не терпит пустот,
В чем сходна с душой

Талант золен возвращать опошленным, скомпрометированным формам и символам их живой смысл.

Ложность вечна - и вечны стихи

Как отвратительную пошлость я отвергаю мысль о том, что художник в каком-то смысле противоположен человеку и обладает правами и привилегиями сверх общечеловеческих.

Рдовой человек не глупее поэта, он только непоэтичен: занят преимущественно сегодняшними нуждами, профессиональными и бытовыми, сторонится иррационального, избегает всех форм дискомфорта, среди них - и вдохновения.

Когда-нибудь скотства не будет.
И веро, что люди - не скот.

Духовное противостоит в человеке телесному, преодолевает и, в конечном итоге, отрицает телесное. Но это противостояние - результат длительного и мучительного опыта. Самое разъединение двух составляющих человека начал есть признак зрелости, оно рождается из страданий.

Времена бывали и хуже и подлей, а стихи писались всегда.

Сегодня потеряло свои самоочевидные преимущества над вчера.

Сегодня перестает быть единственной правдой и реальностью, теряет свои самоочевидные преимущества перед вчера.

Ничему удивляться не надо
Под покровом великих идей

Ничего мне от жизни не надо,
Дайте только пролеть борьбы

Смелость с равным успехом ведет к прекрасному и бесобразному.

Смелость - саммитальное качество для поэта.

Воробей - осторожная птица

Тому, "кто прав последней прихотью", не нужно проуваженных средств для достижения полной выразительности.

Свое последнее слово писатель произносит не в застольной беседе, а в своих сочинениях.

Мы надеемся, что наши попытки спасти от разграбления родную культуру не сочтут войной с ветряными мельницами, а нас не упрекнут в многословии.